

УДК 82.091

К.Н.ЛЕОНТЬЕВ В ВОСПРИЯТИИ Б.А.ГРИФЦОВА

Татьяна Николаевна Фоминых

профессор кафедры новейшей русской литературы

Пермский государственный педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. natatata72@yandex. ru

Восприятие Б.А.Грифцовым личности К.Н.Леонтьева специально никем не исследовалось. В данной статье оно изучается на обширном историко-литературном материале (эпистолярном, публицистическом, художественном). Переписка Грифцова с В.В.Розановым прочитывается как реальный комментарий к статье «Судьба К.Н.Леонтьева»; данная статья рассматривается с целью эксплицировать леонтьевский подтекст повести «Бесполезные воспоминания».

Ключевые слова: Б.А.Грифцов; К.Н.Леонтьев; эпистолярный; эссеистика; повесть; историко-литературный контекст.

Известно, что К.Н.Леонтьева открыл Серебряный век. Б.К.Зайцев в своем «Дневнике писателя», заметив, что поклонники у Леонтьева нашлись только спустя годы после его смерти, писал: «Людам 60-х, 70-х он был вовсе чужд, людам нашего века – не вовсе, ибо наш человек прошел уж и через нищезанство, и через эстетизм, ему ближе и христианство, да и революции он видал (и пережил)» [Зайцев 2000: 93]. В число поклонников Леонтьева наряду с Н.А.Бердяевым и В.В.Розановым входил Б.А.Грифцов. Леонтьев оставил весьма заметный след и в эссеистике, и в художественной прозе Грифцова. О Леонтьеве он рассуждал в письмах к В.В.Розанову (1911-1913), Леонтьеву посвятил доклад («Религиозная судьба Константина Леонтьева», 1912) и большую статью («Судьба К.Н.Леонтьева», 1913), с оглядкой на судьбу и творчество Леонтьева писал повесть «Бесполезные воспоминания» (1915, 1923). В научный оборот введена только статья «Судьба К.Н.Леонтьева». Она переиздана в сборнике «К.Н.Леонтьев: pro et contra» (1995), на нее неоднократно ссылался С.Г.Бочаров, называя Грифцова автором «одной из ярких работ о Леонтьеве поры Серебряного века» [Бочаров 1999: 344]. Письма Грифцова к Розанову не изданы. Не переиздавалась с момента первой публикации повесть «Бесполезные воспоминания»; не замеченная современниками, она и сегодня остается непрочитанной¹, хотя, на мой взгляд, заслуживает самого пристального исследовательского внимания. Цель настоящей статьи – выяснить, как связаны между собой указанные письма, эссе и

повесть, и объяснить, чем обусловлен столь устойчивый интерес Грифцова к Леонтьеву.

Письма Грифцова к Розанову содержат немало сведений, которые могут стать основой реального комментария как к «Судьбе К.Н.Леонтьева», так и к «Бесполезным воспоминаниям». Поводом для переписки явилась подготовка к печати и публикация книги «Три мыслителя. В.Розанов, Д.Мережковский, Л.Шестов» (1911), однако круг обсуждавшихся в письмах тем на этой работе не замкнулся. Грифцов делился своими впечатлениями о новых сочинениях Розанова («Люди лунного света. Метафизика христианства», 1911; «Уединенное», 1912), охотно писал о себе. Рассказывая Розанову о своих творческих планах, он сообщал, в частности, что и дальше намерен «писать монографийки» о близких ему по духу поэтах и мыслителях, в число которых наряду с Державиным и немецкими романтиками входил Леонтьев [Грифцов 1911-1913: 3]. Вот почему в постскриптуме одного из адресованных Розанову писем (от 19 апреля 1911 г.) Грифцов обратил внимание на тот факт, что «в один день» с его работой («Три мыслителя». – Т.Ф.) «в том же книгоиздательстве» (издательство В.М.Саблина. – Т.Ф.) «вышла книга К.Н.Леонтьева "О романах Толстого"»: «...для Вас это, вероятно, приятная новость, – подчеркивал он, – для меня же счастливейшее предзнаменование» [Грифцов 1911-1913: 2 (об.)].

Письма к Розанову свидетельствуют о том, что концепция личности и творчества Леонтьева, в ходе исследования уточнявшаяся, но в основе своей оставшаяся неизменной, оформилась у

Грифцова в самом начале работы и явилась частью его более общих культурфилософских построений, касающихся универсальных типов миропонимания. Грифцов воспринимал Леонтьева как натуру внутренне «антитетичную» и как таковую противопоставлял личностям гармоничным, каковой считал, к примеру, А.С.Пушкина. В этой связи примечателен относящийся к началу 1910-х гг. замысел его книги, одним из центров которой должен был стать Леонтьев, а другим – Пушкин, «и между ними с десятков русских лириков – от Державина до Брюсова и Блока». «Это не очень ясно? – спрашивал Грифцов своего корреспондента и продолжал. – Заглавие могло бы быть "О лирическом миропостижении" или "О судьбах поэтов". Антитезы: Пушкинская (Моцартовская) гармония и обреченность Леонтьева монашеству. В Леонтьеве новые антитезы: болезненная утонченность (повести и жизнь до Востока), жизнь на Востоке, до предела чувственная и бездумная, и еще резче: строй отвлеченнейшего эстетизма – перелом – Афон. Декадентская болезненность – великолепный эстетизм – неизбежное монашество» [Грифцов 1911-1913: 15 (об.)]. Замысел, оставшийся не осуществленным, интересен тем, что содержит план будущей «Судьбы К.Н.Леонтьева», в которой Леонтьев «откроется» Грифцову сквозь призму антиномий; в фокусе окажется именно леонтьевская парадоксальность – то, что Розанов в одном из писем к Грифцову назвал «скорбной привязанностью ко всему отвергнутому» [Розанов 1989: 60].

Переписка с Розановым показывает, что работа над посвященной Леонтьеву монографией была сопряжена с трудностями, вызванными, прежде всего, острой нехваткой свободного времени. Грифцов признавался Розанову, что ничего не пишет, так как вынужден «трепаться» по отнимающим все силы лекциям и урокам, «решительно ничего, кроме небольших денег», не дающим [Грифцов 1911-1913: 14 (об.)]. На свободные летние месяцы он также рассчитывать не мог: в 1910-1914 гг. руководил экскурсиями русских учителей в Италии, что, по его словам, означало «за все лето не прочесть и не написать ни одной страницы» [там же: 15].

Отсутствие свободного времени могло стать одной из причин того, что Грифцову не удалось принять участие в Леонтьевском сборнике. Узнав, что готовится к печати сборник памяти Леонтьева и что Н.О.Лернер, собиравшийся писать о беллетристике Леонтьева, «отказался, за недосугом», Грифцов просил Розанова хлопотать за него перед устроителям данного издания. 7 мая 1911 г. он писал Розанову: «Я давно уже подбираюсь к Леонтьеву и, в частности, беллет-

ристику его ("Подлипки" особенно) очень люблю. Не могли ли бы Вы меня им сосватать? Тогда к октябрю я прислал бы статью о беллетристике Леонтьева. Теперь и в Венеции написать не удастся (ведь там у меня служба), а за два осенние месяца написал бы, конечно» [Грифцов 1911-1913: 4 (об.)]. Отвечая на просьбу Грифцова, Розанов со ссылкой на организаторов издания писал: «Снесся с кем нужно: если не позднее 30-го июня пришлете статью о повестях Леонтьева, то "типография еще может справиться, и она пойдет в сборник, если же позже – то статья пойти не может, ибо материал для сборника уже весь сдан и первые листы отпечатаны будут на этой неделе". Адресовать можете хоть мне. "Статья очень желательна". Ну – в путь (литературный и житейский)» [Розанов 1989: 60]. В ответном письме (от 15 мая 1911 г.) Грифцов обсуждал с Розановым условия публикации: «К 30 июня я в том только случае мог бы написать о беллетристике Леонтьева, если бы кто-нибудь мне прислал в Венецию все те №№ "Отечественных Записок", "Библиотеки для чтения" и "Русского Вестника", где напечатаны его вещи, не вошедшие в "Жизнь христиан в Турции"². Но если даже кто-нибудь собрал все эти №№, было бы безумием их в Венецию посылать. Как ни "заказывай", все-таки могут пропасть. А писать только о "Жизни христиан..." несправедливо для Леонтьева» [Грифцов 1911-1913: 5-5 (об.)]. Далее, ссылаясь на слова П.П.Перцова, Грифцов замечал, что «последний срок статьи» «возможно <...> приурочить к концу сентября»: «Это для меня вполне приемлемо» [там же: 5 (об.)]. В заключение он еще раз уточнял: «Значит, если срок статьи, как П.П. (Перцов. – Т.Ф.) сказал, я статью Вам пришлю. Если раньше, то не справлюсь никак. Ужасно досадно, что я так поздно спохватился Вам написать об этом. <...> Да, вот что еще: если срок 30 июня для всех участников Леонтьевского сборника фиксирован (подчеркнуто Грифцовым. – Т.Ф.), то, пожалуйста, пусть для меня не делают исключения. А то Вы все будете ждать, а окажется, что я напишу вздор» [там же: 5 (об.), 6-6 (об.)].

По возвращении из Италии он написал Розанову письмо, в котором, с одной стороны, сообщал, что «имел несчастье кончить книгу о К.Леонтьеве» и теперь ищет (безуспешно) издателя, что «для удобства издания» он свою книгу «всячески сократил – она совсем маленькая»; с другой стороны, выражал готовность «отложить ее издание на долгий срок», признаваясь, что «было бы очень приятно на некоторое время от Леонтьева отойти, не мало он измучил» <...> [Грифцов 1911-1913: 7-8]. Очевидную противоречивость приведенных высказываний можно

объяснить стремлением Грифцова продолжить переписку с Розановым, державшуюся главным образом на леонтьевской теме и прерванную на работе, которую Грифцову, несмотря на данные Розанову обещания, так и не удалось завершить. Об этом красноречиво свидетельствовала концовка рассматриваемого письма: «Сознаюсь, что Леонтьев – только повод (на этот раз) для переписки, чтобы Вас душевно не потерять из виду» [там же: 8].

Спустя полгода в письме, датированном 21 февраля 1912 г., Грифцов вновь касался своей работы над жизнью и творчеством Леонтьева: «Я прочел все-таки его (Леонтьева. – Т.Ф.) целиком и даже, может быть, до мая закончу о нем статью» [Грифцов 1911-1913: 15-15 (об.)]. Однако в майском номере «Русской мысли» (1912) он опубликовал не статью, а библиографический обзор, в который наряду с только что вышедшими вторым и третьим томами собрания сочинений Леонтьева вошел и литературный сборник его памяти³. Почти через год в письме от 6 декабря 1912 г. Грифцов снова информировал Розанова: «Я вновь погрузился в Леонтьева и, кажется, несмотря на все несчастья, которые так щедро сыплет на меня судьба, напишу, наконец, о нем – не книгу, как очень мечтал, а хотя бы статью» [там же: 13 (об.)]. На этот раз ему удалось довести работу до публикации: статья «Судьба К.Н.Леонтьева» появилась в первом, втором и четвертом номерах «Русской мысли» за 1913 г.

Итак, письма к Розанову свидетельствуют, что Леонтьев входил в круг мыслителей, духовно близких Грифцову, что его работа над жизнью и творчеством Леонтьева продолжалась несколько лет, что с течением времени первоначальный план претерпел изменения: вместо задуманной «монографийки» вышла большая журнальная статья, посвященная не беллетристике Леонтьева, а его жизни и судьбе. Переписка с Розановым позволяет утверждать, что библиографический очерк, посвященный Леонтьеву, с методологической точки зрения мог стать следующим в ряду тех, которые вошли в книгу «Три мыслителя» и которые сам автор называл «рассказами о разорванных сердцах» [Грифцов 1911: 3].

Предметом исследования в статье «Судьба К.Н.Леонтьева»⁴ явилась личность мыслителя, материалом для ее изучения стали его биография, разного рода «человеческие документы», а также его произведения, причем, как научно-публицистические, так и художественные. В жизни Леонтьева Грифцов различал три «душевных» полосы: «Мучительная молодость с неосуществимо острыми чувствами и требованиями, затем период земного счастья, осуществленного

с исключительной полнотой, внезапный кризис и, наконец, все надвигающаяся необходимость отречения и покорности» [Грифцов 1913: 1, 86]. Первый период автор статьи связывал с томлением по поводу заведомо не осуществимых чаяний и надежд, второй – с погружением в стихию жизни, третий – с добровольным отказом от земных радостей в пользу монашества. Первая полоса, с точки зрения Грифцова, была временем «губительной грусти», «неверных», «неутолимых», «надуманных», «вымышленных» чувств, «романтического самоотравления», «болезненной влюбленности». Вторая – ассоциировалась с «языческим довольством жизнью», со «здоровым оптимистическим домашним счастьем» – это было время «без особых мыслей, без особой напряженности, но зато с достаточно звериной любовью» [там же: 1, 96]. Внезапный отрыв от «жизненного кубка», согласно Грифцову, обозначил вступление Леонтьева на жертвенный путь. Третья полоса в его судьбе стала периодом смирения, отречения от прежних ценностей, «отрадной любви» к тому, что прежде казалось враждебным и неверным.

Обратив внимание на то, что каждый следующий этап в жизни Леонтьева отрицал предыдущий (отсутствие жизненной полноты сменилось ее обретением, а затем решительным отказом от нее), Грифцов подчеркивал, что жизненный путь его героя идет «катастрофично, скачками»: «Как нельзя было ожидать счастья после периода чувств неутолимых принципиально, так невозможно думать, что его "демонический" эстетизм, вполне свободный от христианских примесей, приведет к православию, принятому с полной отреченностью и редкой убедительностью» [Грифцов 1913: 1, 86]. Однако в этой «странной для живой жизни» последовательности, в этом жизненном «узоре», весьма причудливым и пестрым, по мнению автора статьи, есть своя логика – логика антиномии. Отмеченную «антиномическую последовательность» Грифцов и считал «основным законом человеческой жизни или, по крайней мере, ее основным постулатом», замечая, что «она редко бывает видна с такой ясностью, как у Леонтьева» [там же: 1, 86].

Характеризуя отмеченную закономерность, Грифцов не был склонен сводить ее к закону причинности. В основе его представлений об «антиномической последовательности» лежала идея рока, рок выступал здесь в античном понимании как роковая предопределенность, неизбежная катастрофа: «Напряженное до предела чувство вспыхивает потусторонним пламенем. Языческое довольство жизнью вдруг превращается в невыносимую необходимость жертвы. Не последовательное развитие сил, не разумное

осуществление целей, но решительно непонятная катастрофичность, которой сам человек не предчувствует, которой он не поверил бы за минуту до катастрофы, – таков, очевидно, закон человеческой жизни, переводящий нас к крайним, трансцендентным порядкам человеческой судьбы» [Грифцов 1913: 1, 106].

Сказанное позволяет не только говорить об антипозитивистской позиции автора, разделявшего *«мысль о полной иррациональности Высшей Телеологии»* [Грифцов 1913: 1, 107] (курсив Грифцова. – Т.Ф.), но и открыть разные смысловые грани заглавия его статьи. Судьба Леонтьева – это не только жизнь и творчество Леонтьева, не только его путь, но и его фатум, роковая предначертанность его поступков, их неизбежность и неизбежная катастрофичность.

Грифцов видел в Леонтьеве, помимо яркой творческой индивидуальности, некий социально-психологический тип личности, заметно опередившей свое время. Леонтьев для него – человек, во многом предвосхитивший мысли и настроения людей начала XX в.⁵ Обратив внимание на связь романтической болезненности, переживаемой молодым Леонтьевым, с современным декадентством, Грифцов находил, что леонтьевская молодость, «болезненная, аналитическая», пронизана тем «соблазнительным ядом меланхолии, который стал сочиться так обильно в литературе гораздо позже, скорее, уже в наши дни» [Грифцов 1913: 1, 86-87]. Подчеркивая постоянство испытываемых молодым Леонтьевым меланхолических настроений, Грифцов писал о его изумительной победе «над теми чарами, яд которых оказался таким сладким и непреодолимым для многих [там же: 1, 88], имея в виду под «многими» своих современников, а в их числе и самого себя.

Б.К.Зайцев, говоря о восприятии Леонтьева Н.А.Бердяевым, заметил: «Яркая книга Бердяева о Леонтьеве изображает обоих – одного прямо, о нем писана, другого косвенно – он писал и жил в этих страницах со своими вкусами, складом мысли, темпераментом, стилем» [Зайцев 2000: 91]. Это замечание справедливо и по отношению к «Судьбе К.Н.Леонтьева». Грифцов признавался Розанову, что, «как бы ни хотел оставаться только исследователем, излагателем учений», написанное им выходит очень личным [Грифцов 1911-1913: 1]. Он стремился к тому, чтобы «просто исследовать, скрывая, а может быть, и забывая свое», и понимал, что желанная объективность ему менее всего доступна, что в «Трех мыслителях», например, «"температура"» его «выдала» [Грифцов 1911-1913: 3-3 (об.)]. В случае с Леонтьевым произошло то же самое. Исследование «пестрой и трагической жизни» мыс-

лителя превратилось в рассказ о себе, о духовных исканиях своего поколения, шире – о «взлетах» и «падениях» Серебряного века в целом.

В «Бесполезных воспоминаниях» прямых упоминаний о Леонтьеве нет, однако его «судьба» проецируется на жизненную историю главного героя. Леонтьев воспринимается как один из прототипов Алексея⁶, что свидетельствует о глубокой внутренней связи между статьей и повестью и заставляет рассмотреть переклички между ними более обстоятельно.

Жизнь Алексея, как и его прототипа, – это чередой полос, когда каждая последующая отрицала предыдущую. Как и перед его прототипом, перед Алексеем на каждом отрезке его жизненного пути возникало противоречие между идеей и жизнью, которое он решал то в пользу идеи, то в пользу жизни. В начале своей жизни – в пору «философической» молодости – Алексей свято верил в то, что «литература все оправдывает и в худшем, и в лучшем смысле» [Грифцов 1923: 70]. Он подвергал «фантазированию» близких людей (Мари), подменяя жизнь литературой. Апологетическим обоснованием этого «петраркизма» была призвана стать его публичная лекция «О жизни существенной и независимой». Герой, настаивая на том, что «лекция должна быть непременно импровизацией» [там же: 72], собирался вести речь о том, как связаны между собой «жизнь житейская» и «бытие поэтическое». Конспективно его выступление должно было свестись к следующему: «Между жизнью житейской и бытием поэтическим ничего нет общего. Это ясно. Но каждый потенциально поэт. И вот просвечивается обыденнейшая жизнь чертами подлинного бытия. Об этом преодолении он будет говорить во второй час, потрясши мыслями о том, как скудна жизнь, которую кропотливо создают современные люди» [там же: 79]. Алексей тщательно готовился к лекции, надеялся на триумф, чувствовал себя проповедником. Однако триумфа не вышло. До «второго часа» дело не дошло: вместо аплодисментов, которые должны были вызвать лектора после перерыва, раздались сначала «милостивые хлопки», а потом «кто-то свистнул не слишком даже настойчиво, скорее, презрительно» [там же: 80], и оратор, не выдержав позора, вынужден был покинуть зал.

Пережитый конфуз заставил героя спросить себя: «И петраркизмы. К чему они?» [Грифцов 1923: 81]; «Но разве книги пишутся для того, чтобы ими жить?» [там же: 82]. Он развернулся лицом к жизни: набрал себе уроков, летом не стал строить планы «фантастического уединения», а отправился в деревню («Куда еще ехать, раз Алексей был помещиком?») [там же: 83]. Как

будущий владелец имения, он размышлял о предстоящем «посеве нового леса», «даже обрадовался, что для своей туманной книги "О бедности" не нашел издателя» [там же: 82]. Следует заметить, правда, что «увлечение» жизнью у Алексея не было ни столь продолжительным, ни столь радикальным, как у Леонтьева. По сути герой Грифцова, предаваясь жизни, продолжал оставаться в поле притяжения книжных представлений о ней. Так, о предстоящем посеве нового леса, к примеру, он думал «не без литературных воспоминаний» – «в память о благороднейшем поэте» Е.А.Баратынском («На посев леса»).

Исповедь Алексея прочитывается отрицательным ответом на вопрос, возникавший у автора и в связи с судьбой Леонтьева: «Можно ли доверчиво отнестись к бытию?» [Грифцов 1923: 47]. В судьбе героя обманчивость бытия заявляла о себе именно тогда, когда ему начинало казаться, что «теперь жизнь стала крепкой». Семейную идиллию нарушила смерть ребенка. Вопреки ожиданию, горе не сблизило Алексея и Мари: супруги нашли забвение во взаимных изменах. Любовь оказалась бессильной перед тяжелейшим душевным недугом Мари: «Болезнь Мари была рубежом, после которого жизнь, действительно, развеялась, но не примирительным кадилльным дымом, а в маскарадной музыке, сквозь звуки которой искрились в ночных огнях вино и новые чувства, нет не чувства, темные силы, на проклятие вложенные Творцом в бедное и неустойчивое человеческое сердце» [там же: 93]. Итальянское путешествие дало новые основания для того, чтобы «говорить об обманчивости бытия» [там же: 89]. Встреча Алексея с Венецией стала «следующей ступенью в той смене душевных состояний, ход которой остановить было нельзя» [там же: 104]. В Венеции Мари навсегда оставила Алексея, предпочтя ему другого. В судьбе героя Венеция с ее «неверными огнями, непонятно скользящими отсветами» полностью оправдывала представление о себе как о городе-призраке, «который исчезает, едва только отвернешься» [там же: 109]. Разлука с Мари усилила недоверие Алексея к жизни, дала повод острее ощутить галлюцинаторность жизни.

В Италии Алексей встретил католического священника о. Анаклета, который в монахи его не звал, однако рекомендовал в качестве спасительного путь служения Богу: только христианство, по мнению о. Анаклета, способно дать человеку опору, примирить его с миром, придать смысл его земному существованию. Герой Грифцова решил, что это – не путь, а «узкая тропинка». Он был убежден в том, что Анаклет неправ, что «есть другие пути», только «где они»,

он не знал. Ответ ему был подсказан самой жизнью: началась мировая война, и Алексей, полагая, что «никакие цели не могут ее оправдать», тем не менее, счел ее «необходимой для себя» и «для всех нас»: «Хоть таким путем будет уничтожено самолюбование, бесплодные тревоги. Кто сочтет себя свободным от обязательства искупления?» [Грифцов 1923: 168].

Леонтьев, как известно, обрел выход из кризиса в вере. Встреча с о. Анаклетом открывала Алексею ту же возможность, однако он ею не воспользовался. При очевидной разнице выбора, сделанного героем и его прототипом, оба, в конечном счете, принесли свою жизнь в жертву; разным оказался «алтарь»: для Леонтьева им стало монашество, для Алексея – участие в «вполне бессмысленной войне». Однако важно подчеркнуть другое: в обоих случаях выбор был парадоксальным – с «отрадной любовью» принималось то, что прежде казалось ошибочным, ложным.

Рассмотренные параллели свидетельствуют о том, что, создавая образ Алексея, Грифцов ориентировался, прежде всего, на собственную «транскрипцию» судьбы Леонтьева. Грифцов-прозаик, идя вслед за Грифцовым-эссеистом, не во всем, однако, совпадал с ним. Подключая жизненную историю Алексея к «судьбе» Леонтьева, он по-иному расставлял акценты. Понять новую акцентировку позволяет образ рассказчика, не менее значимый в повести, чем образ главного героя.

Рассказчик являлся «наблюдательным участником коммуны», бытописателем которой ему пришлось стать [Грифцов 1923: 8]. С Грифцовым его сблизил род занятий – оба беллетристы, интересовавшиеся теоретическими аспектами писательства. Признание рассказчика: «По своей профессии я всю жизнь сравниваю лирические явления различных эпох. Я знаю, что лиризм не есть достояние одного нашего времени» [там же: 74], – отсылало к неосуществленному замыслу Грифцова – к его книге под названием «О лирическом миропостижении», одним из центров которой должен был стать Леонтьев. «По самой своей профессии я догадываюсь, каким должно быть искусство» [там же: 38], – заявлял рассказчик, и его дальнейшие рассуждения выдавали в нем не только знатока античного искусства, но и автора доклада «Религиозная судьба Константина Леонтьева», статьи «Судьба К.Н.Леонтьева», увидевшего в жизненной истории мыслителя «черты классической трагедии» [Грифцов 1995: 463], «черты подлинной трагедии, выступающей сквозь пестрый узор его жизни с такой неизбежностью, которая присуща только трагедии античной» [Грифцов 1913: 4, 14].

Отмеченные переключки свидетельствуют о наличии в «Бесполезных воспоминаниях» леонтьевского подтекста и позволяют воспринимать данное произведение как попытку еще раз сказать о том, о чем некогда уже было сказано. В этой связи обращает на себя внимание один из смыслов эпитафии «Et ante et semper Dilectae Dicitum. 1906-1923» [То, что ранее сказывалось, сказалось], прямо указывающий на связь повести с предшествовавшей ей во времени эссеистикой, в том числе и посвященной «судьбе» Леонтьева.

Мотивы повторного обращения к леонтьевской теме могли быть разными⁷. На мой взгляд, один из них был связан с изменившимися эстетическими предпочтениями автора. Отличия между Грифцовым-эссеистом и Грифцовым-прозаиком касаются трактовки тех жизненных историй, которую каждый из них рассказывает. Согласно автору статьи «Судьба К.Н.Леонтьева», роковой для мыслителя стала антиномия идеи и жизни. Леонтьев пытался разрешить ее рациональным путем, исходя из ложных, с точки зрения автора, представлений о тождестве идеи и жизни. Проблему Леонтьева Грифцов-эссеист увидел в «увлечении осуществимостью своей идеи», в его уверенности в том, что нет таких идей, которые невозможно было бы воплотить в жизнь. Кризис Леонтьева – это кризис рационализма, который, как считал Грифцов, «будет иметь для новой культуры какой-то огромный предостерегающий смысл» [Грифцов 1913: 2, 62]. Согласно логике Грифцова-эссеиста, Леонтьев переоценил возможности жизни, слишком доверился ей; высказав ряд пронизательных мыслей об эстетике искусства⁸, он предпочел ей эстетику жизни, решив, что она «гораздо важнее отраженной эстетики искусства», «вторичной» красоты.

В отличие от своего прототипа герой «Бесполезных воспоминаний» так и не смог открыть для себя «эстетику жизни», до конца дней оставаясь во власти «вторичной» красоты. «Лирическая полоса» растянулась у него на всю жизнь, «идеей субъективного переживания мирового процесса так и прожил он» [Грифцов 1923: 168]. В жизненной истории Алексея «проигрывался», таким образом, один из возможных вариантов судьбы Леонтьева, как если бы пережитая им полоса «неутолимых», «надуманных» чувств не сменилась периодом «здорового оптимистического домашнего счастья». Грифцов-эссеист увидел в судьбе Леонтьева «черты подлинной трагедии» – трагедии античной [Грифцов 1913: 4, 14]. Рассказчик, за которым стоял автор повести, именно античного героя и не нашел в Алексее. Как отмечалось ранее, проблемами искусства рассказчик занимался профессионально, в чем

неоднократно признавался. Одно из его признаний содержало ответ на вопрос, «каким должно быть искусство»: «Своими отчетливо очерченными образами оно должно действовать успокоительно, напоминая о последних законах, о простых линиях, которые пройдут через каждую жизнь, как ни перепутались бы в ней перекрещивающиеся чувства». В качестве образцов он приводил античных героев и героинь, у которых «тверда походка и просты слова»: «О боли они знают также, но не знают растерянности. Перед судьбой они простираются ниц, но без колебаний приносят себя в жертву» [Грифцов 1923: 38]. Рассказчик, выражавший авторскую точку зрения, противопоставлял Алексея героям древности как романтического героя, порицая его и за «ошибки философической молодости», и за то, что Б.К.Зайцев назвал «сладостными изнываниями – в пустоте...»⁹.

Как видно, леонтьевская тема, связывая письма Грифцова, его эссеистику и художественную прозу, по-разному решалась в «Судьбе К.Н.Леонтьева», с одной стороны, и в «Бесполезных воспоминаниях» – с другой. В статье речь шла о жизни и творчестве самого Леонтьева, в повести он выступал в роли одного из прототипов главного героя, присущее молодому Леонтьеву «романтическое самоотравление» становилось чертой, определявшей внутренний облик его духовного наследника. Грифцов-эссеист уподоблял Леонтьева античному герою; в художественном сознании Грифцова-прозаика его потомок ассоциировался с романтическим героем, живущим неутолимыми вымышленными чувствами.

Сказанное позволяет заметить полемичность «Бесполезных воспоминаний» по отношению к «Судьбе К.Н.Леонтьева». Алексей, говоря о «жизни существенной и независимой», о возможности «прорастания» сквозь покров «жизни житейской» «бытия поэтического», выражал точку зрения Грифцова-эссеиста, считавшего, что только «эстетическая оценка преобразует жизнь». Грифцов-прозаик, осуждая своего героя именно за эстетизм, оспаривал, таким образом, свои прежние представления о том, что воображение создает жизнь впервые. Для Грифцова-прозаика жизненный и творческий опыт Леонтьева был тем культурным прецедентом, с помощью которого он пытался осмыслить одну из «бездн» Серебряного века, связанную с подменной «жизни житейской» «вторичной красотой» – «бытием поэтическим».

¹ П.П.Муратов прочитал повесть как «воспоминание» о давно минувшей семейной драме Грифцова (разрыв с супругой Е.С.Урениус, в 1911 г. ставшей

женой П.П.Муратова) и воспринял ее с изрядной долей иронии как «"гимн", так сказать, Кате». См.: Письма П.П.Муратова В.А.Зайцевой и Б.К.Зайцеву (предисловие и публикация Н.П.Комоловой) // Россия и Италия / Ин-т всеобщей истории. М.: Наука, 1995. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX в. 2003. С. 289. На автобиографические подтексты «Бесполезных воспоминаний» указывала И.Андреева. См.: Андреева И. Неуловимое создание. Встречи. Воспоминания. Письма. М.: Совпадение, 2000. С. 41, 58, 105.

² Имеется в виду: Леонтьев К.Н. Из жизни христиан в Турции. Повести и рассказы. Т. 1-3. М., 1876.

³ Ценность сборника Грифцов-рецензент связывал с богатейшим биографическим материалом (отмечал обстоятельную статью А.М.Коноплянцева, воспоминания К.А.Губастова, содержавшие неопределимые сведения для изучения восточного периода жизни Леонтьева), несомненной удачей считал перепечатанную из «Русского вестника» за 1903 г. яркую статью В.В.Розанова («Неузнанный феномен») и лишь в заключение выражал сожаление, что редколлегия пропустила откровенно слабые работы (статью А.В.Королева, заметку Б.В.Никольского) [Грифцов 1912: 167-170]. Об этом сборнике спустя полгода в письме к Розанову Грифцов скажет иначе: «Читал сборник его (Леонтьева. – Т.Ф.) памяти и бесконечно радовался, что они перепечатали Вашу статью. Конечно, Вы единственный, кто вправе писать о нем. Но как досадно-бездарен весь остальной сборник. Зачем эти вялые и дешевые статьи Королева, Никольского, Карцева? Стихи Александрова!!» [Грифцов 1911-1913: 13 (об.)].

⁴ Как заметил А.П.Козырев в примечаниях к современному переизданию «Судьбы К.Н.Леонтьева», в основу данной работы был положен доклад, прочитанный Грифцовым 4 ноября 1912 г. в Религиозно-философском обществе памяти Вл.Соловьева [Грифцов 1995: 463]. Судя по приведенному на афише заседания развернутому плану выступления, статью с докладом сближала трехчастная структура и восприятие Леонтьева как фигуры трагической. И в докладе, и в статье первая часть посвящена жизни и творчеству мыслителя, вторая – его учению, третья – религии. Как в докладе, так и в статье судьба трактуется как неумолимый рок, трагедия Леонтьева уподобляется античной трагедии.

⁵ Эта мысль была отчетливо выражена в написанном несколькими месяцами ранее библиографическом обзоре. См.: [Грифцов 1912: 168].

⁶ См. об этом в ином историко-литературном контексте: Фоминых Т.Н. Розанов в прижизненной художественной литературе // Наследие В.В.Розанова и современность: Материалы Международной научной конференции. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 225-226.

⁷ Здесь уместно вспомнить, что «Три мыслителя», например, не удовлетворили автора, едва успев выйти из печати. Он писал Розанову, что «книга задержалась изданием», и ему «<...> многое теперь уже не нравится»: «Едва ли мне удастся вскоре исправить все это печатно, если даже будет 2-ое издание, так трудно взятое в определенном плане писать вновь» [Грифцов 1911-1913: 1 (об.) - 2].

⁸ Одну из таких мыслей, утверждавших «самодовлеющую ценность искусства» и его «символическое значение», Леонтьев высказал в отклике на роман И.Тургенева «Накануне», заметив, что «искусство есть переход "за ту черту, за которой живет красота или идея жизни, для которой мир явлений служит только смутным символом"» [Грифцов 1913: 2, 74-75]. Грифцов сетовал на то, что «Леонтьев нигде не развил эти очень важные определения, с поспешностью приняв, что искусство есть лишь отражение интенсивной жизни, и, не спросив, не есть ли сама эта интенсивность создание эстетическое, и позже, судя жизнь эстетически, Леонтьев как бы признавал, что впечатления эстетические не разнятся от впечатлений жизненных» [Грифцов 1913: 2, 74-75]. Комментируя мысли Леонтьева о том, что «любопытно прекрасное в искусстве, но важно только прекрасное в жизни», что «нет самодовлеющего абстрактного рода идей, нет призраков искусства – и то, и другое – лишь следствие цветущей жизни, лишь проявления ее богатства или ее близкие и осуществимые цели» [Грифцов 1913: 2, 62-63], Грифцов противопоставлял им свое решение вопроса об отношении искусства к действительности: «Искусство не есть отражение жизненных сил, но творчество им антиномичное. <...> Только тем и важно искусство, что оно не похоже на жизнь, которая проста и незаметна», только «эстетическая оценка преображает жизнь», только «воображение создает впервые жизнь» [Грифцов 1913: 2, 75].

⁹ 3 октября 1925 г. Б.К.Зайцев записал в своем «Дневнике»: «Прошлым летом в Со, под Парижем, я прочел одну русскую книжку, Бориса Грифцова, «Бесполезные воспоминания». Она написана в Москве, в 1915 г., человеком нашего поколения и нашего склада молодости. <...> Это воспоминание о романтических "любвях" начала века. Москва, Венеция и подмосковные края. Мечтательность и молодая нервность, первые зори, томления и сладостные изнывания – в пустоте...» [Зайцев 2000: 43].

Список литературы

Бочаров С.Г. Леонтьев и Достоевский // Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 341-397.

Грифцов Б.А. Письма к Розанову В.В. 1911-1913 // РО РГБ. Ф. 249. М 4199. Ед.хр. 2. Л. 1-16.

Грифцов Б.А. Три мыслителя. СПб., 1911. 189с.

Грифцов Б.А. <Рец.> К.Леонтьев. О романах гр. Л.Н.Толстого. – Его же. О Владимире Соловьеве и эстетике жизни. – Его же. Собрание сочинений. Т. II и III. Памяти К.Н.Леонтьева. Литературный сборник // Русская мысль. 1912. № 5. С. 167-170.

Грифцов Б.А. Судьба К.Н.Леонтьева // Русская мысль. 1913. № 1. С. 85-107. № 2. С. 51-77. № 4. С.1-14. В тексте в скобках, помимо страницы, указывается номер журнала.

Грифцов Б.А. Бесполезные воспоминания. Повесть. Берлин: Книгоиздательство писателей в Берлине, 1923. 170 с.

Зайцев Б. Собр. соч.: Т. 9 (доп.). Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. М.: Русская книга, 2000. 560 с.

К.Н.Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. Примечания А.П.Козырева. СПб.: РХГИ, 1995. 480 с.

Розанов В.В. Письма к Грифцову Б.А. // Наше наследие. 1989. № 6. С. 57-61.

K.N. LEONTJEV'S PERSONALITY IN B.A. GRIFTSOV'S VIEW

Tatyana N. Fominikh

**Professor of Modern Russian Literature Department
Perm State Pedagogical University**

B.A. Griftsov's view of K.N. Leontjev's personality has not been researched profoundly yet. In this article the issue is considered on the basis of the wide-range history and literature material (epistolary, publicistic and literary material). The epistolary intercourse between B.A. Griftsov and V.V. Rozanov is being read as a real commentary on the article "K.N. Leontjev's Life". The article is analyzed to make explicit Leontjev's subtext of the story named "Useless memoirs".

Key words: B.A. Griftsov; K.N. Leontjev; epistolary genre; essay genre; story; history-literature context.